

ческих и протестных настроений коренного населения заставляет обратить пристальное внимание на источник этих проблем. Очевидно, что свободный въезд в РФ граждан из южных стран СНГ с их молодым, быстро растущим, не имеющим работы и легко радикализирующимся населением ведет к дальнейшему расширению социальной базы радикального ислама. Усугубление проблем терроризма, экстремизма и обострение межэтнических отношений в северных регионах Урала, где расположены основные нефтяные и газовые месторождения РФ, создает не только экономические и внутриполитические риски, но и может угрожать целостности страны.

Elena Dmitrieva*

**Islam in the regions of the Russian North.
(Condensed abstract)**

Keywords: Russian North; polar Islam; social and labor migration; diasporas; Salafism; threats; terrorism; Central Asia; Caucasus; Urals.

Сченснович В.Н.¹

**СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ НЕСТАБИЛЬНОСТЬ
В КАЗАХСТАНЕ И КИРГИЗИИ. (Сводный реферат)**

DOI: 10.31249/rimm/2022.02.05

1. *Иванов Е.А., Малков С.Ю.* Анализ уровня социально-политической нестабильности в Казахстане и Киргизии: современное состояние и прогноз // *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков. Ежегодник / отв.ред.: Л.Е. Гринин, А.В. Коротаев, Д.А. Быканова. Волгоград. 2020. С. 592–614.*

2. *Шаруева М.В.* Основные проблемы социально-экономического развития Кыргызстана (конец XX – начало XXI в.) // *Вестник РГГУ. Сер. Евразийские исследования. История. Политология. Международные отношения. 2021. № 3. С. 130–140.*

Ключевые слова: Казахстан; Киргизия; социально-политическая нестабильность; ислам; расколы элит; оппозиция; прогнозы развития;

* Elena Dmitrieva, Senior Research Associate, INION RAS, e-mail: eldmi@list.ru

¹ Сченснович В.Н., научный сотрудник, отдел Азии и Африки, ИНИОН РАН, e-mail: vl-lyuba9@yandex.ru

дестабилизация; экономика; трудовая миграция; межэтнические конфликты.

Иванов Е.А. Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Малков С.Ю. Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»;

МГУ им. М.В. Ломоносова

Шаруева М.В. кандидат юридических наук,
Российский государственный гуманитарный университет (Москва)

В статье Е.А. Иванова и С.Ю. Малкова [1] дан анализ социально-политической ситуации в Казахстане и Киргизии, прогнозируются сценарии их дальнейшего развития. В среднесрочной перспективе (2021–2025) можно ожидать нарастания различных проявлений социально-политической дестабилизации в странах бывшего СССР, особенно там, где процессы политической и экономической модернизации отстают от темпов мировых лидеров. Очевидно, что за сменой поколений политических элит и трансформацией режимов последуют сдвиги в других сферах.

В Казахстане сегодня происходит контролируемый трансфер власти. Покинув президентский пост, Нурсултан Назарбаев сохраняет ключевые рычаги управления страной. Это обеспечивает политическую стабильность на данном отрезке времени. Тем не менее перед Казахстаном встают новые вызовы, решение которых может потребовать оригинальных решений и кардинальных перемен в стране. Киргизии не хватает того, что есть у Казахстана, – политической стабильности и способности элит добиваться консенсуса, действующего на протяжении длительного периода. Киргизии необходимо укреплять государственность. Вопросы распределения властного ресурса должны решаться не методами «уличной демократии», а через устойчивые институты и практики. Помимо прочего, экономика Киргизии не имеет казахстанского запаса прочности.

Политические системы Казахстана и Киргизии получили модернизационный импульс будучи в составе СССР, однако дальнейшее развитие было осложнено переходным периодом от плановой экономики к рыночной, от советского полуизоляционизма – к открытости, от аналогового технологического уклада – к цифровому. Политический режим Казахстана характеризуется централизацией и устойчивостью. Киргизия – государство с фрагментированным об-

ществом и с крайне высокой турбулентностью политических процессов. Авторы рассматривают основные линии размежеваний, которые могут послужить основой для социально-политической дестабилизации в Казахстане и Киргизии в ближайшие годы.

С середины 2000-х годов Казахстану и Киргизии удалось снизить неравенство в распределении доходов. Несмотря на это, в Казахстане, благодаря наличию ресурсной ренты, сформировалась прослойка состоятельных бизнесменов. В Киргизии предпринимателей такого масштаба меньше, но и размер ее экономики в 20–30 раз меньше казахстанской (по показателям ВВП).

Ввиду непростой мировой политической и экономической конъюнктуры ожидается резкий спад уровня жизни во многих странах. Для противодействия негативным тенденциям Казахстан и Киргизия имеют разные возможности. Казахстан предпринимает меры по выравниванию жизни в городской и сельской местности, по совершенствованию инструментов адресной помощи, но пока они не дают желаемых результатов. Но даже в Казахстане они сокращаются в связи с тем, что экономика республики в значительной мере зависит от экспорта углеводородов и металлов. К тому же сегодня этим странам затруднительно претендовать на международную помощь. Страны Запада не рассматривают Центральную Азию в качестве приоритетного региона, а помощь со стороны Китая чревата усугублением кредитных обязательств в долгосрочной перспективе. В свою очередь, это открывает коридор возможностей для усиления влияния арабских стран, но взамен монархии Залива будут требовать проводить курс на исламизацию, что сопряжено с трудностями социально-идеологического плана.

Рассматривая раскол «ислам – светское», авторы замечают, что в постсоветский период, хотя идеология и материалистический подход вытесняли религиозное сознание, у многих людей сохранялся определенный уровень религиозности, а отдельные очаги православия, ислама, буддизма и других религий смогли пережить все репрессии и давление. В период активной десекуляризации начали формироваться два больших раскола. Первый – общий между советскими атеистами и сторонниками клерикализации 1990-х годов. Этот раскол наиболее характерен для Центральной России, Украины и Беларуси. Второй раскол – между «старыми» верующими и адептами «новых» толкований. Подобное размежевание затронуло государства и регионы, где большая часть жителей относятся к так называемым этническим верующим. В этих сообществах сохранялись остатки собственных религиозных традиций,

например ислама. Пройдя через советский период и смешавшись с местными традициями, такая версия ислама приобрела статус «народной». Молодые поколения, получившие возможность учиться в мировых центрах исламской религии (в Египте, Сирии и др.), возвращались на родину и вступали в конфликт со старшими поколениями, чье понимание ислама расценивалось молодежью как «неправильное».

В Казахстане исламизация происходила более сдержанными темпами, чем в Киргизии, которая на государственном уровне оказалась неспособна противостоять стихийной исламизации, сопряженной с проникновением в страну радикальных и экстремистских идей. Долгое время в Киргизии работали организации, признанные экстремистскими в ряде стран, включая Россию. Возникновение «Исламского государства» (ИГ – запрещено в России) в Сирии и Ираке обнажило глубину этих проблем. Многие граждане Киргизии оказались завербованы сторонниками ИГ и отправились воевать на Ближний Восток. Часть из них – трудовые мигранты, работавшие в России. Отток радикалов в ИГ из Казахстана был не таким большим, но показал, что в стране существуют скрытые ячейки и одиночки-радикалы. Прежде всего, в зоне риска западный и южные регионы страны, где происходило проникновение радикальных идей, завезенных извне. Кроме того, в Казахстане среди молодежи можно выделить два типа: первый – умеренно религиозная / нерелигиозная городская молодежь, ориентированная на Запад или развитые страны Азии; второй – религиозная молодежь, связанная с мировыми исламскими центрами (Саудовская Аравия, Катар, Турция). Поэтому в Казахстане раскол между светским и религиозным (исламским) может быть глубже, чем в Киргизии, где уровень исламизации выше. При этом риски дестабилизации, связанные с действиями радикалов и экстремистов, в Киргизии существенно выше.

Исследователи обращаются также к теме внутриэлитных расколов. К 2021 г. политический режим Казахстана на протяжении двух лет находился в состоянии управляемого «мягкого» трансфера власти от персоналистской модели во главе с Нурсултаном Назарбаевым к иной конфигурации политических институтов и элитных групп. Касым Жомарт Токаев, заняв президентский пост, выступает за умеренные преобразования режимной конструкции с уважительным отношением к наследию Н. Назарбаева. Чтобы смягчить процесс передачи власти и позволить оппозиции «выпустить пар», администрация Токаева проводит точечную ли-

берализацию политической сферы. На данный момент Токаев сохраняет основы сложившейся политической системы. Его цель – вдохнуть новую жизнь в устоявшуюся конструкцию за счет кадровых замен и внедрения новых подходов к управлению.

В Киргизии 2020 г. стал годом третьей революции – на этот раз октябрьской. В парламентских выборах участвовали 16 партий, многие из которых были оппозиционны действующей власти и пользовались общественной поддержкой. После объявления предварительных результатов голосования в центре Бишкека стали собираться несогласные граждане. Штурм правительственных зданий привел к столкновениям с милицией и последующей эскалации насилия. Политику С. Жапарову, возглавившему протесты, и его сторонникам удалось добиться отмены результатов октябрьских выборов, отставки С. Жээнбекова с поста президента и назначения новых президентских и парламентских выборов. Устойчивость политической системы в ближайшем будущем будет зависеть от компромиссов между местными элитами.

Авторы, рассматривая вопросы внешнеполитического курса, отмечают, что Казахстан проводит сбалансированную внешнюю политику. Россия – главный торговый партнер Казахстана, опережает даже Китай, который проводит активную экспансию на мировых рынках. По мнению авторов, Казахстану важно придерживаться выбранного курса: диверсифицировать круг внешнеполитических партнеров, поддерживая позитивные связи со всеми. В среднесрочной перспективе Казахстан может стать государством с преобладанием этнических казахов, для которых важно сохранить независимость и самодостаточность своей страны.

Для жителей Киргизии внешнеполитический выбор также имеет большое значение. Здесь авторы выделяют три основных условных партии. Первая – это «партия миграции», ориентированная на евразийский интеграционный вектор, формируемый Россией и Казахстаном. В целом отношение к сближению с Россией среди граждан Киргизии положительное: более 80% опрошенных позитивно относятся к ЕАЭС. Вторая сила – «партия реэкспорта», или «партия контрабанды». Экономическую основу данной партии составляют предприниматели и бизнесы, завязанные на перевозку товаров из Китая с нарушением законодательства. Третьей силой является «партия либеральной демократии», или «партия НКО», сторонники которой выступают за ориентацию на Запад, в первую очередь на США и ЕС. Представители этой партии активно работают через СМИ, создавая

идеологическую платформу для формирования лояльной прослойки из числа наиболее активной и образованной части общества.

Исследователи делают следующие выводы об особенностях социально-политической ситуации в Казахстане и Киргизии и возможных сценариях ее дальнейшего развития. И в Казахстане, и в Киргизии наблюдается значительный потенциал социально-политической дестабилизации. Основными факторами раскола в Казахстане являются социально-экономический и внутриэлитный.

В Киргизии ситуация отличается от казахстанской. Если в Казахстане расколы практически не имеют проекции в публичное политическое поле, то в Киргизии вокруг каждого раскола формируется коалиция заинтересованных игроков (политиков, партий и их спонсоров). Основными расколами в Киргизии в настоящее время являются: региональный (Север – Юг) и внутриэлитный (кланы Севера – кланы Юга). По всей видимости, Киргизия будет оставаться полюсом нестабильности до тех пор, пока в стране не удастся достичь политико-экономического равновесия и зафиксировать его на ближайшие 10–15 лет.

М.В. Шаруева [2] рассматривает экономические последствия государственных переворотов в Киргизии, господства клановой системы и разделения политических элит на «северные» и «южные», политики лавирования, к которой неоднократно прибегали киргизские лидеры, вынужденные искать компромисс между различными группами влияния внутри страны и за ее пределами. Подчеркивая значимость межэтнических отношений для стабильного развития экономики, М. Шаруева указывает факторы риска, с которыми приходится сталкиваться Киргизии.

Тридцатилетний юбилей обретения независимости (1991) позволяет подвести некоторые итоги. Автор анализирует экономические достижения и потери страны, выделяет основные тенденции социально-экономического развития Киргизии в 1990–2010-е годы. В стране закрылись сотни заводов и фабрик, продукция которых оказалась невостребованной в новых условиях. Сохранились только предприятия добывающих отраслей, поскольку нефть, газ и металлы пользовались спросом в дальнем зарубежье. В декабре 1998 г. Киргизия стала первой страной на постсоветском пространстве, которая вступила в ВТО. Ради сокращения процедуры вступления власти республики пошли на беспрецедентные уступки в сфере торговли товарами и оказания услуг, в том числе банковских. Это позволило международным компаниям и организациям фактически захватить все сегменты национального рынка страны.

Объем иностранных инвестиций оказался гораздо ниже ожидаемого, при этом власти республики лишились возможности защищать национальный рынок, а производители не смогли конкурировать с дешевым и качественным импортом.

Однако были в 1990-е годы и достижения. В кратчайшие сроки с помощью иностранных инвесторов строились высокотехнологичные заводы и фабрики. Постепенно экономика адаптировалась к правилам рынка. Но поступательное развитие республики остановили политические события. Государство вступило в эпоху нескончаемой «президентской чехарды», когда каждый новый президент отменял все реформы предшественников (иногда эффективные) и утверждал другие векторы развития. Межэтнические противоречия, наравне с коррупцией, организованной преступностью, неопределенностью политического и экономического курса страны, нанесли ущерб национальной экономике. «Взрывоопасным» с этнополитической точки зрения является юг Киргизии, где проживают около 1 млн этнических узбеков, причиной межэтнических конфликтов остается в том числе и экономический фактор. Поскольку местный бизнес находится под узбекским контролем, уровень жизни узбеков выше уровня жизни киргизов. Взаимные претензии узбеков и киргизов выливаются в многочисленные конфликты с большим количеством убитых и раненых с обеих сторон. Дело доходит до столкновения воинских подразделений на границе Киргизии и Узбекистана.

В дальнейшем ситуация в республике может еще более обостриться под воздействием геополитических факторов. Боевики из движения «Талибан» (запрещено в России) уже спровоцировали несколько военных конфликтов с Таджикистаном и Узбекистаном – непосредственными соседями Киргизии, а сама республика может стать жертвой последующей экспансии талибов.

Valentina Schensnovich*
Socio-political instability in Kazakhstan
and Kyrgyzstan. (Condensed abstract)

Keywords: Kazakhstan; Kyrgyzstan; socio-political instability; Islam; elite splits; opposition; development forecasts; destabilization; economy; labor migration; interethnic conflicts.

* Valentina Schensnovich, Research Associate, INION RAS, e-mail: vl-lyuba9@yandex.ru